

Надежда Андреевна Дурова

Серный ключ

Надежда Дурова

Серный ключ

«Public Domain»

1839

Дурова Н. А.

Серный ключ / Н. А. Дурова — «Public Domain», 1839

«Боже мой! Какая скука! Что делать? Чем заняться? Куда девать столько праздного времени? Книжки да прогулка, прогулка да книжки! От этого голова пойдет кругом! Правда, здесь много прекрасных, любезных, девственно-свежих и веселых дам. Но я хотел бы знать, что может быть несноснее вечной свежести и веселости? Мне она до смерти надоела! Хотя бы на минуту побледнели лица румяные. Хотя бы на полчаса грусть омрачила бы черты, столь прекрасные. Как были бы они пленительны!.. Так нет: как назло, цветут и смеются от утра до вечера, от вечера до утра. И вечером и утром, и в полдень и в полночь, в дождь и в ясную погоду, в пятнадцать лет и в шестьдесят – все одно и то же! И в самую вечность пойдет с ними одно и то же!..»

© Дурова Н. А., 1839

© Public Domain, 1839

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Надежда Андреевна Дурова

Серный ключ

Боже мой! Какая скука! Что делать? Чем заняться? Куда девать столько праздного времени? Книги да прогулка, прогулка да книги! От этого голова пойдет кругом!

Правда, здесь много прекрасных, любезных, девственно-свежих и веселых дам. Но я хотел бы знать, что может быть несноснее вечной свежести и веселости? Мне она до смерти надоела! Хотя бы на минуту побледнели лица румяные. Хоть на полчаса грусть омрачила бы черты, столь прекрасные. Как были бы они пленительны!.. Так нет: как назло, цветут и смеются от утра до вечера, от вечера до утра. И вечером и утром, и в полдень и в полночь, в дождь и в ясную погоду, в пятнадцать лет и в шестьдесят – все одно и то же! И в самую вечность пойдет с ними одно и то же! Как сравнять их с пленительными варшавянками! Те – апрельская погода, со всеми ее прелестными и быстрыми переменами!.. Там некогда ни обеспечить, ни увериться. Нужны непрерывное внимание, всегдашняя осторожность. И это дает столько занятия уму и сердцу; нет места томительному равнодушию, когда боишься потерять что-нибудь милое, а особенно если милое мило всегда и именно потому, что никогда не бывает одинаково. Прелестный край!..

Таковыми-то мечтами и воспоминаниями обуревалась голова молодого Л... уланского ротмистра, возвращавшегося, часу в девятом вечера, с всегдашней своей прогулки на Холмах; так называлось одно из лучших местоположений в окрестностях города ***. Неблагодарный молодой человек пробежал поспешно и без внимания места, на которые нельзя было смотреть без восхищения и которые были местом его рождения. Мысль его летала то по великолепным гостиным в Варшаве, то по низким болотистым полям Гродненской губернии; в первых светило его солнце, во второй квартировал полк. Впрочем, и то надобно сказать, что как бы ни было что прекрасно, но если смотреть на него всякий день несколько недель сряду, то можно уже в иную пору оставить и совсем без внимания. Всесильная привычка, уравнивающая все, делающая прекрасное обыкновенным, безобразное сносным, заставила и молодого Л... смотреть равнодушно на величественную реку, обширные леса, высокие горы, зеленые луга, усеянные всеми возможными цветами; мимо всего он шел так скоро и в такой задумчивости, что наконец набежал на ограду кладбища. Он остановился. Гродненские поля и варшавские залы с их очарованием исчезли – Л... увидел себя на полях своей родины, у кладбища и в двух шагах от могилы несчастного Сендомирского: на ней ярко блистала золотая надпись на черной доске. Л... знал Сендомирского; они были друзья; знал причину его преждевременной, трагической смерти. Молодой человек с горестью облокотился на памятник, над могилой прежнего друга. Она так много, так внятно говорила его сердцу. Л... закрыл лицо руками и отдался мыслям, которые, сменяя одна другую, перенесли наконец его от плачевной судьбы Сендомирского к славе, блеску, силе, богатству, цветущему состоянию, смутам, раздорам, междоусобным войнам, упадку его отечества, Польши... Легкое прикосновение к плечу заставило его вздрогнуть. Все призраки воображения разлетелись. Исчезла Польша с своими пышными садами, замками, войсками, горами червонцев и пр. Перед ним стояла молодая исправница Лязовецкая, любезнейшая и вместе прекраснейшая из дам уездного городка, где улан Л... томился в отпуску.

– Что вы делаете здесь? С четверть часа уже, как вы стоите так неподвижно, что вас можно бы счесть за принадлежность к памятнику Сендомирского. О чем вы так задумались? Покойник был вам знаком?

– Он был мне друг. Но не его, собственно, участь так заняла меня. Да, впрочем, бог с ними со всеми! Расскажите мне лучше, где вы были все это время? Я не видал вас более месяца: куда вы ездили?

– На воды.

– Нет, без шуток: неужели в округу с мужем?

– Я совсем не шутя говорю, что ездила на воды.

– Как можно?..

– Вы, право, забавны с вашим: как можно!.. А почему ж не можно? Что вы тут находите невозможного?

– Ничего, разумеется, но вы сделали это так секретно, что никто ничего не знал! Не было ни толков, ни заключений, ни даже малейшего слуха, а ведь у вас такое событие, как, например, поездка на воды, не безделица! У вас оно служит эпохой, от которой ведете вы ваши летосчисления, как от...

– Полно, полно, молодой человек! Поберегите ваши остроты до возвращения в Гродно, а в нашей глуши они не имеют цены...

– Так расскажите ж мне, куда, в самом деле, вы ездили? Зачем? Что там делали? Что видели?

– Говорю вам, что ездила на воды, на Серный Ключ, близ селения Курцем.

– Что за гармоническое название! В какой же это стране света? Имя не русское.

– Это деревня черемисская,¹ и не далее восьмидесяти верст отсюда... Но пойдете в город; солнце совсем уже закатилось. Дорогою я расскажу вам о своем путешествии. Да, что вы так рассеяны сегодня, Л...? Вы, кажется, еще не заметили, что со мною дети мои? Поцелуйте их.

Л... тогда только увидел, что Лязовецкая вела за руки двух своих сыновей, прекрасных, как амурь. Перецеловав детей, он извинялся в своей невнимательности, ссылаясь на то, что поездка ее на какие-то небывалые воды свела его с ума. Они пошли обратно к городу.

– Итак, вы не верите, – начала говорить прекрасная спутница Л..., – чтобы я была на водах? Не верите существованию нашего Серного Ключа, который кипит и клокочет в восьмидесяти верстах от неверующих обитателей нашего песчаного, морского дна, как вам угодно называть наш город?

– В восьмидесяти верстах! Но ведь это так близко, что даже против воли можно было бы знать об вашем ключе, если бы он в самом деле был!.. Нет, воля ваша, вы шутите, или тут какое-нибудь иносказание.

– Полно вам с вашими иносказаниями! Вы слышали и сами об нашем ключе, но забыли. Об нем были большие хлопоты, разведывания. Окружной лекарь обратил внимание на необыкновенный вкус воды и, найдя, что она наполнена серными частями, уведомил об открытии свое начальство. Слухи носились, что целительность вод его не уступает заграничным, но впоследствии все затихло.

– Почему ж?

– Говорят, что, пока смотрели и рассматривали, ворочали и переворачивали донесение окружного лекаря, он умер. На место его приехал другой, который не имел такой веры к ключу...

– Я не понимаю, что за радость была прежнему лекарю заботиться, чтобы ключ признали годным?

– Вы смешны, Л...! Как что за радость лекарю, что оказался годным Серный Ключ в его округе? Ведь к таким местам ездят обыкновенно лечиться, а где лечатся, там, я думаю, лекарь главное действующее лицо. Нынешний лекарь, может быть, не надеялся удержаться тогда на своем месте и потому не хотел хлопотать для другого. Думаю, что предчувствие или опасение были главною причиною его беспечности. Удержаться на месте можно было бы легко, но только не 3...

– Ах! так это 3... Я знаю его. Он женат на польке. Какая красавица жена его!

---

¹ Черемисы – принятое прежде название народа мари, принадлежащего к семье угро-финских народов.

– Да, у него только и хорошего, что красавица жена.
– Ваша правда. Вот человек, в котором вовсе нет ничего худого, но нет и ничего хорошего! Мне кажется, что природа и сама не знает, как сотворила его.

– Ну, нет! В нем есть одно замечательное качество.

– Вы хотите сказать, что он скуп?

– Да.

– Это правда: скуп он единственным образом, ему одному только свойственным! Я расскажу вам смешной анекдот об его расчетливой философии: как-то заболели у меня зубы; вы знаете, что в этом только одном случае вся моя твердость исчезает...

– Знаю, что вы неженка, – что ж далее?

– Я пошел к З... просить какого-нибудь снадобья, как говорит одна из ваших знакомых.

– Оставьте ее в покое – у нас так говорят.

– Я пришел к нему в час пополудни – пора, в которую все благочестивые провинциалы обедают. Насилу я достучался; наконец отперли. «Где лекарь?» – спросил я кухарку, которая отворила мне дверь. «Кушает». – «Проведи меня к нему». – «Извольте идти сами. Из залы дверь направо в столовую».

Я пошел и, увидя дверь направо, отворил ее и вошел в тесный, гадкий чулан, где за мискою какой-то спартанской похлебки сидел З... с своим ангелом, с прелестною черкешенкою...

– Ну, одним словом, с своею женою! – прервала Лязовецкая, несколько нетерпеливая.

Л... покраснел.

– Думаю, появление ваше привело его в замешательство?

– Худо вы его знаете, если так думаете; это Кратес,² который хвалится своим цинизмом.

С величайшим хладнокровием он встал из-за стола и просил меня в залу; но, будучи довольно умен, угадывая, как должны были удивить меня его обед и та собачья конура, в которой он так роскошно пирует, он сказал мне: «Вы, верно, удивляетесь моей укромной столовой и слишком умеренному обеду? Не думайте, чтобы это было от скупости! Нет, я ведь имею достаток, но поступаю так сообразно понятию, какое имею о не совсем-то благородной естественной потребности – есть.»

– Не совсем благородной?.. Что за чудак! Почему ж не совсем благородной?

– Я думаю, он и сам не знает почему, а так врал, чтобы только сказать что-нибудь в оправдание своей *sochonnerie*.³

– А, не смеете же сказать по-русски такого деликатного словца!.. Что ж еще говорил З...? Какое понятие имеет он о неблагородной потребности есть?

– Он говорит, что человек должен удовлетворять эту потребность просто, где-нибудь, как-нибудь и чем-нибудь, и что нет ничего неблагопристойнее, по его мнению, как званые обеды, роскошь, изысканность, утонченность, пышность, блеск, дороговизна. И все для того только, чтобы удовлетворить грубую потребность, доказывающую ничтожность человеческой природы!..

Лязовецкая захохотала.

– Что ж вы отвечали на такое прекрасное рассуждение?

– Ничего. Но мне очень хотелось спросить: одного ли с ним мнения жена его?

– Однако ж не спросили?

– Как можно! За кого ж вы меня считаете?

– За ветреника в отпуску.

---

² Кратес (IV–III вв. до н. э.) – древнегреческий философ-киник, последователь Диогена; отказавшись от всего своего имущества, вел бродячую жизнь.

³ свинство (франц.).

– Бог с вами! Однако ж теперь не угодно ли поквитаться: я рассказал вам анекдот о скупом, расскажите мне ваше путешествие.

– Теперь уже некогда. Вот мы в городе, но пойдете ко мне ужинать; муж мой где-то завоевал стерлядь, от которой он в восторге, и вот ее великолепное описание – передаю вам его слово в слово: янтарная, около пуда весом, в Петербурге дали бы за нее тысячу рублей для стола, например, хоть Ш... И мы будем есть такую рыбу? Какой соблазн! Какое мотовство! Разве нельзя грубую потребность, доказывающую ничтожество природы нашей, удовлетворить куском хлеба? Предоставим такую роскошь З... Идите вперед с детьми, а я подойду только вот к этому дому, постучу в окно; здесь муж мой. Спрошу его: будет ли он с нами ужинать?

Пока красавица Лязовецкая говорила с мужем, Л... с двумя мальчиками ушел вперед. Старший из детей начал говорить:

– Мы пили серную воду из ключа. Какая она нехорошая! Маменька водила нас каждое утро к этому ручью и приказывала пить по три стакана гадкой воды его.

– И вы пили?

– Пили. Миша всякий раз плакал!

– А ты?

– Я нет. А один раз, так и маменька плакала.

– Об чем же?

– Не знаю! Она привела нас к ручью, напоила водок и приказала играть и бегать, а сама села на берегу, прямо против какого-то зеленого бугра, смотрела на него долго не сводя глаз, и плакала; я видел, как она беспрестанно прикладывала платок к глазам.

– А после?

– После повела нас домой и не плакала уже более.

Л... шел тихо, желая дать время Лязовецкой присоединиться к ним; она и муж ее скоро догнали их. Лязовецкая сказала, что по неограниченной власти, какую всякая благоразумная жена должна иметь над своим мужем, она отняла его у товарищей, с которыми он расположился был выпить бутылку шампанского.

– Скоро неограниченная власть твоя ограничится, – сказал Лязовецкий, шутя. – Восемь лет, как мы принадлежим друг другу; тебе минуло уже двадцать пять лет, пора, в которую власть жены хотя не приметно еще, а все-таки начинает уже уменьшаться.

– Ну, там увидим!.. А что вы тут щебетали, мои колибри? – спросила Лязовецкая, наклонясь к детям и целуя их. – Я слышала, вы что-то рассказывали?

– Да, они выдали мне ваш секрет, и я теперь знаю что вы плакали на берегу ручья против зеленого бугра.

– Представьте, как дети приметливы! А мне и в ум не приходило, что они замечают мои поступки.

– О чем же вы плакали?

– Ах! это слишком горестная история!

– Вы в долгу у меня: обещали рассказать о поездке на воды, так нельзя ли вместе и горестную историю?

– Хорошо, я расскажу вам все после ужина, а теперь пойдете скорее.

Через полчаса все были уже за столом, на котором дивила взор и услаждала обоняние хваленая стерлядь. Лязовецкий сказал жене, что как она увела его от шампанского, то чтобы приказала подать бутылку этого вина; что он не хочет терять своего и что грешно было бы есть такую стерлядь, не запивая шампанским. Вино явилось, и довольный хозяин говорил, что у самого Лукулла никогда не бывало такой рыбы на его роскошных пирах.

По окончании ужина все разошлись по приличию: исправник ушел в кабинет заниматься делами; дети легли спать; молодой ротмистр поместился в вольтеровских креслах близ круг-

лого столика перед диваном; прекрасная хозяйка села на диван и взяла свое вязанье, говоря, что она может работать и рассказывать.

– Болезнь моих малюток заставила меня советоваться с многими лекарями. Все они сказали, что лучшее средство вылечить их совершенно и прочно – делать для них серные ванны. Ехать на Кавказ я не могла, как по небогатому состоянию моему, так и по невозможности оставить надолго свое хозяйство без собственного присмотра. Итак, я решилась испытать целительную силу серного ключа в селении Курцем. Выбрала время, когда мужу надобно было долее обыкновенного пробыть в округе, собралась и поехала. В деревне я заняла дом, крайний к полю, чтобы ближе было ходить на ключ. Разумеется, квартирою моею была простая крестьянская изба, которой все удобства состояли в лавках и полатах; впрочем, она была из лучших, то есть просторна и светла. Каждое утро, в пять часов, ходила я к ключу, протекавшему не далее, как в полуверсте от моей хижины. Тут я купала своих детей, заставляла их пить по три стакана воды и после бегать и играть на берегу самого ручья. Окрестности его очаровательны: зеленые луга, множество цветов, душистых трав, тенистые роши, тьма соловьев и прекрасные виды вдаль делают это место раем, которым я расставалась всегда неохотно и всегда как можно позже: я тут вязала, читала, рвала цветы, убирала ими своих двух амуров и убиралась сама...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.